

ВИЗАНТИЙСКИЕ СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

30 и 31 октября 1946 г. состоялась 3-я сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная вопросам византиноведения.

Сессия открылась вступительным словом руководителя византийской группы академика Е. А. Косминского, который кратко охарактеризовал деятельность советских византистов за период, прошедший со времени 2-й сессии, состоявшейся в апреле 1945 г. Е. А. Косминский отметил, что самый факт созыва 3-й сессии, посвященной специально вопросам византиноведения, является показателем роста советского византиноведения и усиления интереса к проблемам истории Византии у научной общественности. За прошедший период группа по истории Византии работала над подготовкой к печати II тома „Византийского Временника“ и собирала материалы для III тома. Состав авторов за это время был значительно расширен: были привлечены византисты не только Москвы и Ленинграда, но и Армении, Грузии, Средней Азии. К участию в „Византийском Временнике“ привлекаются не только византисты-историки, но и искусствоведы, археологи. Затем докладчик сообщает, над чем работают в данное время члены византийской группы и какие работы уже опубликованы и подготовлены к печати. Остановившись на вопросе о подготовке новых кадров византистов, Е. А. Косминский сообщил, что в настоящее время в МГУ и Институте истории АН СССР имеется несколько аспирантов, специализирующихся по истории Византии, а в ЛГУ — несколько студентов.

В заключение своего вступительного слова Е. А. Косминский остановился на задачах, стоящих в настоящее время перед советскими византистами. Особенно он подчеркнул необходимость усилить внимание к общетеоретическим проблемам истории Византии, — к таким вопросам, как вопрос о периодизации истории Византии, об особенностях византийского феодализма, о своеобразии городского развития Византии, о причинах падения Византийской империи и т. д.

После вступительного слова Е. А. Косминского член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская прочитала доклад на тему „Общественные отношения в Византии перед арабским завоеванием“. Этот доклад явился обобщением результатов многолетних конкретно-исторических исследований автора. Общественные отношения в Византии перед арабским завоеванием были определены в докладе как отношения переходного периода, — периода смены рабовла-

дельческих отношений феодальными. Разложению старых рабовладельческих отношений и появлению новых, феодальных, на Востоке, как и на Западе, способствовали две силы — революция рабов и варварские завоевания. Но в Византии этот процесс принял несколько иную форму благодаря тому, что византийское крестьянство, как это доказано советскими учеными, в определенной части было свободным или жило общинами на положении „свободных колонов“. А это увеличивало способность Византии к сопротивлению внешнему натиску, делало ее более устойчивой по сравнению с Римом и, одновременно, способствовало тому, что восстания рабов в Византии имели иной вид, нежели в Италии, и отличались меньшим размахом.

Затем Н. В. Пигулевская остановилась на движении димов, которое она рассматривает как своеобразное явление кризиса рабовладельческого общества и считает, что это движение возникло и могло возникнуть лишь в городе рабовладельческого типа. Участие рабов в движении димов, близкое участие вольноотпущенников — все это, по мнению автора, говорит о большом удельном весе низших слоев рабовладельческого общества в этих движениях. Византийский город до VIII в. в докладе характеризуется как город, живущий традициями, эллинистических и римских городов рабовладельческого типа. Вся его структура, его управление и учреждения связаны и традиционно продолжают жизнь городов Римской империи. Само перенесение столицы в Византию было, в значительной мере, вызвано стремлением порвать с традициями Рима и его сильной рабовладельческой знатью. Но и в Византии классовая структура города раннего периода опиралась, в своей основе, на рабовладение. В государственных мастерских работали, главным образом, рабы или близкие к ним по положению люди. Население пригородов включало колонов и приписных, работавших в имениях и загородных виллах крупных землевладельцев. Пока город был по преимуществу рабовладельческим, классовая борьба в нем выражалась в движении димов. С усилением феодальных отношений классовая борьба приобретает новые формы. Одной из особенностей классовой борьбы в раннем византийском обществе является широкое развитие „еретических“ учений, расцветавших на почве сепаратистских тенденций азиатских и африканских провинций. Наглядным примером этого служат события в Египте в начале VII в., где крестьянские волнения, восстания димов и недовольство монофизитов слились в одно мощное движение.

Второй силой, разлагавшей старые общественные отношения, говорит докладчик, были завоевания и иммиграция варваров.

Наибольшее влияние, как это доказано русскими, и особенно советскими, учеными, оказали славяне, глубоко проникавшие на территорию империи. Славянские поселения в форме общин оказали большое влияние на процесс феодализации Византии и на формирование византийского права.

Значительное влияние, указывает Н. В. Пигулевская, было оказано и арабским завоеванием. Арабы в этот период находились на высших стадиях варварства. Важным фактором во взаимодействии „варварского мира“ и „культурной“ империи было проникновение алфавита, перевод книг, христианизация, проводившаяся Византией в отношении всех сопредельных народов и племен. Эти явления усиливали связь между двумя мирами и способствовали проникновению новых, живых элементов в империю. Ослабленная жестокой внутренней классовой борьбой начала VII в. рабовладельческая Византия, говорит в заключение докладчик, была повержена арабским завоеванием. Из обломков империи вставало новое феодальное общество, консолидировавшее на новой производственной основе феодальную Византийскую империю.

По докладу Н. В. Пигулевской развернулись оживленные прения, в которых приняли участие Ф. М. Россейкин, В. Н. Лазарев, М. В. Левченко, А. К. Бергер и др. Основные возражения были сделаны против утверждения докладчика, что в движении димов играли очень большую роль рабы. М. В. Левченко в своем выступлении указал, что борьба димов не может быть понята без анализа политического строя империи. Он отметил также, что нельзя говорить о торжестве феодальных отношений в VII в., и упрекнул Н. В. Пигулевскую в излишнем социологизировании. По мнению А. К. Бергера, Н. В. Пигулевская неверно датирует революцию рабов, относя ее к VI в., тогда как уже с начала нашей эры рабы перестали выступать с прежней интенсивностью и восставали уже совместно с колоннами. В эллинистическую эпоху рабовладельческое хозяйство уже не было единственной формой. Неверным он считает и то, что рабская эксплуатация сменилась крепостнической в VI в., а в VII в. мы имеем дело уже с торжеством феодализма.

Отвечая на выступления своих оппонентов, Н. В. Пигулевская подчеркнула, что данный доклад является результатом десятилетней работы над большим количеством греческих, арабских и сирийских источников и основан на большом конкретно-историческом материале, накопленном ею. В частности, именно изучение сирийских и арабских источников позволяет докладчику говорить об участии рабов в движении димов. Касаясь вопроса о степени развития феодализма в VII в., Н. В. Пигулевская отмечает, что она не

говорит о торжестве феодализма уже в этот период, так как процесс феодализации был очень длительным.

Подводя итоги дискуссии, развернувшейся по докладу, председательствующий на сессии академик Б. Д. Греков отметил, что Н. В. Пигулевская безусловно имеет право выступать с такого рода обобщающим докладом, так как он является плодом многолетнего труда и основан на прочном конкретно-историческом фундаменте.

Затем на сессии был заслушан доклад кандидата исторических наук А. К. Бергера „Государственная теория новелл Юстиниана“. В своем докладе А. К. Бергер показал, что новеллы Юстиниана очень мало изучались даже с формально-юридической точки зрения и совсем не изучались как исторический источник, хотя они оказали огромное влияние на развитие византийского права как в смысле непосредственного их использования позднейшим византийским законодательством, так и в качестве основных теоретических устоев византийской государственности. Докладчик подчеркивает тот большой интерес, который представляют новеллы Юстиниана для историка, так как в них обширные исторические, теоретико-правовые и публицистические экскурсы преобладают над собственно-законодательным текстом и находят свое отражение злободневные социально-политические проблемы. В новеллах формулируется четкая политическая терминология, отражающая государственно-правовую структуру современной им Византийской империи.

Империя понимается как мировое целое, которое должно охватить все человечество и осуществить определенный государственный идеал, состоящий в гармоническом сочетании различных элементов. Основной проблемой этого идеала является взаимоотношение *βασιλεία καὶ πολιτεία*. Основой жизни в рамках *πολιτεία* является закон — *νόμος* — основа всякого общежития вообще.

Давая подробный анализ ряда терминов и понятий, встречающихся в новеллах, докладчик подчеркивает, что в новеллах чрезвычайно отчетливо проведена характеристика отдельных властей, в частности четко выявлено коренное различие *βασιλεία καὶ πολιτεία*. Столь же ясно в новеллах дана схема разделения и комбинирования властей для достижения максимальной эффективности административно-политической системы. В заключение А. К. Бергер говорит, что новеллы Юстиниана характеризуют Византийскую империю как правовое государство, унаследовавшее обширный политический и теоретико-политический опыт античного мира, широко использовавшее этот опыт в условиях формирования новой социально-политической системы,

Выступившими по докладу Н. В. Пигулевской Е. А. Косминским, М. В. Левченко и Ф. М. Россейкиным была отмечена важность затронутой темы и был сделан ряд замечаний и возражений, в частности о необходимости анализа не только самих новелл, но и экономических документов, так как иначе политическая теория оказывается лишенной социального фундамента и остается без ответа вопрос о том, кому нужна была эта теория и какова была ее основная цель. Почти все выступавшие затрагивали вопрос о расхождении понятия равенства в теории Юстиниана и в конкретной исторической действительности того периода. Е. А. Косминский подчеркнул, что идеал равенства имел псевдомемократический характер. Под прикрытием этой идеи легче было вести борьбу с крупным сенаторским землевладением. В сущности же понятие равенства не имело в себе ничего демократического. Все были равны, потому что все были ничто перед государственной властью.

В своем заключительном слове А. К. Бергер указал, что он не привлекал к своему исследованию иных источников, кроме новелл, так как его задачей было выяснение именно политической теории Юстиниана. Докладчик признал, что вопрос о соотношении между понятием равенства и его применением в действительности является весьма важным и требует дополнительного исследования.

Вечернее заседание 30 октября открылось докладом кандидата исторических наук Е. Э. Липшиц — «К вопросу о дате первого похода руссов на Византию». Этот доклад является ответом на статью французской византистки Жермен да Коста Луйе, опубликованную в XV томе журнала „Byzantion“ (1940—1941 г.) под заглавием — «Имели ли место нападения русских на Византийскую империю ранее 860 г.?». Одновременно доклад является ответом и одному из византинистов Запада — Анри Грегуару, написавшему предисловие к вышеназванной статье, в котором он полностью солидаризируется с выводами Коста Луйе. По мнению обоих авторов, в исторической науке слишком долго господствовали „химеры“ русского византиниста В. Г. Васильевского, который доказывал, что походы Руси на Византию имели место и до 860 г. По мнению же Грегуара и Коста Луйе, о столь ранних походах не могло быть и речи, так как тогда-де не существовало еще никакого славянского государства на Руси, а Киевское государство сложилось лишь после прихода норманнов и под их владычеством около 860 г. Исходя из этой теории, французские византинисты относят житие Георгия Амастридского, в котором дано древнейшее свидетельство о походе Руси на Амастриду, к X в., а самый поход отождествляют с походом Игоря 941 г.

В своем докладе Е. Э. Липшиц, на основании тщательного анализа ряда источников (житийной литературы и других литературных памятников), доказывает, что выводы В. Г. Васильевского совершенно справедливы. Она расширяет и более полно аргументирует ту литературную характеристику, на основе которой В. Г. Васильевский относил житие Георгия Амастридского к числу произведений Игнатия — византийского писателя IX в. Попутно докладчик уточняет ряд моментов, относящихся к биографии Игнатия, в частности вопрос о различии его отношения к иконоборчеству на разных этапах его жизни. Е. Э. Липшиц, сопоставляя стихотворные произведения Игнатия с рядом других письменных источников и художественных памятников, устанавливает наличие связи Игнатия с Иоанном Грамматиком — ученым и патриархом первой половины IX в., подкрепляя этим гипотезу В. Г. Васильевского. Одновременно в докладе устанавливается ошибочность попытки Коста Луйе отнести житие Георгия Амастридского к числу переработок Симеона Метафраста. Ошибочность утверждений Ж. да Коста Луйе объясняется порочностью ее общих методологических позиций и является следствием недостаточно углубленного исследования привлеченных источников, подхода к этим источникам с предвзято „норманнистской“ точки зрения.

Выступивший в прениях по докладу Ф. М. Россейкин указал, что Грегуар часто подходит к той или иной исторической проблеме с предвзятой точки зрения, согласно которой и трактует источники. Так, например, он считает, вопреки очевидности, подложной хазарскую переписку X в.; он отстаивает характеристику, данную Фотием императору Михаилу II, ибо это помогает ему реабилитировать Михаила. В том случае, о котором говорится в докладе Е. Э. Липшиц, Грегуар, несомненно, также искажает историческую действительность, и докладчица правильно сделала, указав на эту ошибку. Возражение со стороны Ф. М. Россейкина вызвало то, что доклад Е. Э. Липшиц построен как историко-литературный экскурс, сам же первый поход Руси на Византию не подвергнут исследованию. Академик Б. Д. Греков отметил, что работа Ж. да Коста Луйе особенно наглядно показывает сущность современного буржуазного византиноведения и стремление со стороны буржуазных ученых опорочить достижения русской науки. Несомненной заслугой Е. Э. Липшиц является, как подчеркнул академик Б. Д. Греков, то, что она привлекла внимание научной общественности к ошибочной и тенденциозной статье да Коста Луйе и попыталась опровергнуть ее утверждения.

На вечернем заседании был также заслушан доклад доктора исторических наук М. В. Левченко — „Шарль Диль“, посвященный памяти известного французского византиниста, скончавшегося в 1944 г. во время оккупации Франции немецкими ордями. Докладчик дал обзор важнейших трудов Ш. Дилья по вопросам византийской истории, культуры, искусства и эпиграфики. Он отметил, что в работах Ш. Дилья тщательное и критическое изучение источников сочетается с блестящим стилем. Отметив ряд положительных сторон трудов Ш. Дилья, М. В. Левченко указал также и на их серьезные недостатки. К числу ошибочных положений автора, с которыми не может согласиться советская византиноведческая наука, М. В. Левченко отнес следующие: 1) преобладание в ряде трудов Ш. Дилья политической и культурной истории над социально-экономической; 2) игнорирование автором вопросов классовой борьбы; 3) переоценка влияния византийской культуры на славянские народы; 4) идеализация административного аппарата Византийской империи, стремление показать его прогрессивность в течение всего существования Византийского государства и др.

М. В. Левченко подчеркнул, что над историческими взглядами Ш. Дилья тяготели традиции буржуазной позитивистской историографии и позитивизм, как идеалистическая философская система, явился помехой дальнейшему научному развитию Ш. Дилья. В целом, по своему мировоззрению, Ш. Дилья являлся представителем либеральной буржуазии Франции и в своих трудах отражал ее политические взгляды. Докладчик подчеркивает то большое уважение, которое Дилья всегда питал к трудам русских византинистов. Чтобы иметь возможность познакомиться со всеми достижениями русского византиноведения, Дилья изучил русский язык. В заключение М. В. Левченко отметил, что советская историческая наука может использовать с соответствующей критической проверкой итоги сольской научной работы Ш. Дилья при разработке истории Византии на основе марксистско-ленинской методологии.

Третье заседание сессии, 31 октября, открылось докладом кандидата исторических наук Б. Т. Горянова — „Византийский гуманист XIV века Феодор Метохит“. Докладчик указал, что вопрос о византийском гуманизме и византийском Возрождении при Палологах является очень сложным и вызывает много споров, участники которых приходят нередко к прямо противоположным выводам. Одни ученые безоговорочно признают существование византийского гуманизма и говорят о его большом влиянии на гуманизм Запада. Другие, как, например, Гейзенберг, совершенно отрицают наличие элементов гуманизма в поздневизантийской культуре. Развитие

византийской культуры, говорит Б. Т. Горянов, имело ряд особенностей. К числу их относится то, что в Византии никогда не умирало античное наследие, и интерес к изучению античности здесь возрождается раньше, чем где бы то ни было. Ко времени Палеологов возрождение византийской литературы, искусства, философии достигает значительного расцвета. Из числа ранних предшественников гуманизма докладчик обращает особое внимание на Феодора Метохита, основной чертой литературного творчества которого является горячая любовь к античной культуре. Метохит один из первых обосновал положение о воспитательном значении исторической науки. Анализ Метохитом произведений классиков греческой литературы не был формальным, а имел несомненно исследовательский характер. По своим философским взглядам Метохит, говорит докладчик, являлся эклектиком с некоторым уклоном в сторону платонизма. Он считал, что нельзя слепо следовать взглядам даже самых крупных авторитетов, и отстаивал свободу исследовательской мысли.

В области политической теории Метохит, по мнению Б. Т. Горянова, как и западные гуманисты, не отличался прогрессивными взглядами. Он отдавал предпочтение монархии, как форме государственного устройства, и отрицал способность народа к участию в политической жизни государства. Основной политической идеей Метохита была идея гражданского мира, идея отрицания всякой политической борьбы. Докладчик говорит о большой разносторонности Метохита и, в частности, указывает, что он являлся автором обширного руководства по астрономии, написал большое число поэтических произведений и т. д. Особо останавливается докладчик на том влиянии, которое оказал Метохит-меценат на развитие византийского искусства. На основании всего изложенного в докладе материала, Б. Т. Горянов сделал вывод, что Метохит является одним из ранних византийских гуманистов, одним из ранних предшественников европейского гуманизма.

В обсуждении доклада Б. Т. Горянова приняли участие академик В. П. Волгин, проф. Ф. А. Коган-Бернштейн, академик Е. А. Косминский, А. П. Каждан. Основным вопросом, обсуждавшимся в прениях, был вопрос о понятии гуманизма вообще и об особых чертах византийского гуманизма в частности.

Подводя итоги развернувшейся дискуссии, Е. А. Косминский отметил, что разрешение вопроса о том, был ли Метохит представителем гуманизма, связано с необходимостью предварительного разрешения ряда более общих и весьма сложных вопросов, ибо самое понятие не только о византийском гуманизме, но и о гума-

низме вообще является еще недостаточно четким в исторической литературе. Вопрос о византийском Возрождении особенно сложен потому, что еще недостаточно исследован вопрос о византийском городе, об особенностях городской культуры Византии.

Последним на сессии был прослушан доклад кандидата исторических наук Э. В. Удальцовой — „Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Никейского“. В докладе было подчеркнуто, что проблема падения Византии может быть разрешена только на основании анализа всей совокупности причин — внешнеполитических, военных и, особенно, внутренних — экономических и социально-политических, приведших к катастрофе. Центральное место при этом должно быть отведено внутренним причинам — экономическому упадку Византии, сложному переплетению классово-партийно-религиозной борьбы в Византии накануне ее падения и т. д. Э. В. Удальцова поставила перед собой задачу осветить некоторые вопросы, связанные с проблемой ожесточенной классово-партийно-религиозной борьбы, нашедшей свое выражение в борьбе различных религиозно-политических партий, в первую очередь в борьбе латинофильской и православной партий. В докладе дан анализ социального состава религиозно-политических программ обеих партий. Причины непримиримой позиции по отношению к латинству со стороны большей части византийского духовенства и монашества, составлявшего ядро греко-православной партии, докладчик видит не только в религиозных разногласиях, но и в экономических и политических условиях. Уменьшение влияния греко-православной партии объясняется классово-ограниченностью верхушки православной партии, ее нежеланием пойти на уступки народу, провести некоторые социальные реформы, которые могли бы укрепить государство. Историческая трагедия Византии, по словам докладчика, состояла именно в том, что там не нашлось подлинно национальной силы, которая была бы способна повести народ на борьбу с внешним врагом.

Сложная партийно-религиозная борьба, происходившая в XV в. в Византии, отразилась на деятельности и трудах виднейшего вождя латинофильской партии, крупного политического деятеля, богослова и гуманиста Виссариона Никейского. Э. В. Удальцова, в отличие от большинства авторов, писавших о Виссарионе, анализирует не только его религиозные взгляды, но главным образом социальные и политические мотивы его программы, ставя деятельность Виссариона в связь с общей социально-экономической обстановкой в Византии этого периода. В докладе убедительно показано, что для руководителей латинофильской партии религиозно-догматические вопросы являются лишь внешним выражением их политических

взглядов и всецело им подчинены. Наиболее последовательным в этом отношении был Виссарион, сам перешедший в католичество. Бегство Виссариона в Италию было логическим завершением его деятельности как вождя латинофилов, приведшей его к тому, что он стал ренегатом, перешедшим в стан врагов своей страны. Политическая позиция сказалась и на деятельности Виссариона как ученого. Здесь он принадлежит двум мирам — греческому Востоку и латинскому Западу. В заключение доклада Э. В. Удальцова еще раз подчеркивает, что для объективной оценки личности Виссариона и его роли в истории Византии необходимо брать обе противоречивые стороны его деятельности в области религии, политики и культуры, так как сама эта противоречивость рождена противоречивостью обстановки, сложившейся в Византии в XV в.

Доклад Э. В. Удальцовой вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие академик В. И. Пичета, проф. В. В. Столицкая-Терешкович, проф. Ф. А. Коган-Бернштейн, проф. А. А. Фортунатов, проф. И. П. Петрушевский, Б. Т. Горянов, Ф. М. Россейкин. Все выступавшие отмечали большие научные литературные достоинства доклада. Подводя итоги обсуждению доклада Э. В. Удальцовой, Е. А. Косминский отметил, что большая часть вопросов и замечаний была вызвана тем, что данный доклад составляет только часть большой работы Э. В. Удальцовой и, естественно, не мог охватить всех вопросов, разработанных в монографии. Основной тезис доклада, — что Виссарион был прежде всего политическим деятелем, — Е. А. Косминский считает вполне доказанным. Он отметил также большой и вполне заслуженный интерес, вызванный докладом у слушателей.

Закрывая заседание сессии, Е. А. Косминский сказал, что сессия прошла с успехом. Тематика докладов была весьма разнообразной и все доклады вызвали большой интерес со стороны слушателей. Е. А. Косминский указал, что одну из следующих сессий следовало бы посвятить какой-либо центральной проблеме, вокруг которой сконцентрировать доклады: например, об особенностях византийского феодализма, периодизации византийской истории о причинах падения Византии.

* * *

27 и 28 ноября 1947 г. состоялась четвертая сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная вопросам византиноведения. Открывший заседание сессии акад. Б. Д. Греков предоставил первое слово руководителю группы по истории Византии Инсти-

тута истории АН СССР акад. Е. А. Косминскому для доклада „Итоги работы советских византистов в 1947 г. Цели и задачи советского византиноведения“.

Говоря о работе советских византистов в 1947 г., докладчик отметил, что за последний период наше византиноведение вышло на международную арену. Отрадным фактом является то, что за это время окрепли связи между советским византиноведением и византинистами ряда стран новой демократии. В этих странах с дружеским вниманием следят за каждым новым успехом советской исторической науки, и, в свою очередь, ученые этих стран информируют нас о том, что сделано у них за последние годы в области византиноведения. По-иному, указывает акад. Е. А. Косминский, относятся к успехам нашего византиноведения и оценивают их в других странах, где иногда их сознательно и старательно замалчивают или даже просто отрицают. Так поступает, например, профессор Грегуар, утверждающий, что советские византисты, совершенно-де незнакомы с последними „откровениями“ западной буржуазной науки. В качестве примера такой „отсталости“ Грегуар приводит отрицание советскими учеными норманистской теории происхождения Русского государства, которую сам Грегуар считает последним словом науки. Но это говорит о незнании самим Грегуаром работ советских ученых по этому вопросу — в частности, работ академика Б. Д. Грекова и др. Позиция А. Грегуара, говорит докладчик, вполне объяснима. Он разделяет и отражает взгляды тех кругов буржуазных ученых Европы, которые пресмыкаются перед Америкой, и поэтому для него, конечно, вполне естественно стремление свести на-нет все достижения советской исторической науки и прежде всего советского византиноведения. Те методы, к которым прибегает при этом А. Грегуар, только обнаруживают его собственную слабость и ни в коей мере не могут умалять значения того, что уже сделали и продолжают делать наши ученые.

Дальше Е. А. Косминский переходит к вопросу об отличии советского византиноведения от буржуазного. Прежде всего это отличие методологическое, ибо только наше византиноведение основано на единственном подлинно научном методе — методе марксистско-ленинском. Второе, весьма существенное, отличие сказывается в тематике изучаемых проблем. В то время как на Западе византисты изучают, главным образом, вопросы, касающиеся истории церкви, отдельных религиозных учений и т. п., основное внимание советских византистов посвящено вопросам социально-экономической и политической истории Византии.

Вторую часть своего доклада акад. Е. А. Косминский посвящает вышедшему в 1947 г. I (XXVI) тому „Византийского Временника“. Отмечая, что самое появление этого органа русских византистов после длительного перерыва является очень важным и отрадным событием в истории советского византиноведения, докладчик, однако, подчеркивает, что данный том отражает состояние советского византиноведения не 1947 г., а 1944 — начала 1945 г. За два с лишним года, которые I том находился в печати, советское византиноведение шагнуло далеко вперед и то, что отражает том, является уже пройденным этапом. I том уже устарел, и это является одним из важных его недостатков. Наиболее важным недочетом вышедшего тома, на который указывает докладчик, является недостаточная политическая заостренность передовой статьи, которая, во-первых, не проводит четкой грани между дореволюционным русским и советским византиноведением, а во-вторых, ограничивает задачу отдела критики и библиографии лишь ознакомлением советских византистов с трудами современных буржуазных ученых, тогда как главной задачей этого раздела несомненно должен быть критический разбор этих трудов с точки зрения марксистско-ленинской методологии, разоблачение ошибочных, а часто и явно реакционных теорий в византиноведении. Искусственное ограничение задачи, стоящей перед отделом критики и библиографии, вызвало третий недостаток I тома „Византийского Временника“ — совершенное отсутствие в нем критических статей и рецензий. Все эти недостатки, говорит докладчик, будут устранимы в последующих томах „Византийского Временника“.

В заключение своего доклада акад. Е. А. Косминский остановился на тех задачах, которые сейчас стоят перед советскими византистами. Прежде всего необходимо улучшить качество „Византийского Временника“ не только путем более строгого отбора научных статей, но особенно путем совершенной перестройки отдела критики и библиографии. Этот раздел должен реагировать на все выступления буржуазных ученых и своевременно давать отпор их нападкам на передовую советскую историческую науку. Необходимо повысить качество помещаемой в журнале библиографии, давая обстоятельную оценку наиболее значительным трудам.

Второй доклад на сессии прочитал акад. Я. А. Манандян на тему „Маршруты персидских походов императора Ираклия“.¹ Вопрос этот, как отметил докладчик, до сих пор еще окончательно не

¹ Доклад будет напечатан в III (XXVIII) томе „Византийского Временника“.

решен в исторической литературе, так как направления военных путей Армении еще недостаточно выяснены, но некоторые новые данные, имеющиеся в историко-географических трудах последних десятилетий, дают возможность уже довольно точно определить маршруты персидских походов императора Ираклия. На основании сведений древнеармянских историков Себеоса и Моисея Утийского можно определить направление первого персидского похода Ираклия (623 г.) и установить и обратный его путь в Албанию. На основании данных, приводимых у тех же историков, можно уточнить неясные сведения, даваемые Теофаном о военных событиях 624 г., когда ожесточенная борьба между империей и Сасанидской Персией шла именно на территории Албании и Персидской Армении. По сообщениям Себеоса и Моисея Утийского можно представить себе расположение армий: армия Шахрбараза находилась в Гардмане, армия Шахина — в тылу Ираклия в Тигранакерте — Тарнауте, а армия Ираклия — в районе Каганкатуйка. Обратный путь Ираклия из Албании в Персидскую Армению, по мнению докладчика, шел через древнеармянскую область Сюнию в Нахичеван, затем через селенье Врнчуник в Хой, через Багаван в селенье Грчмук и затем из области Апахунии в Арчеш.

Докладчик подробно остановился на маршруте войска Ираклия, двинувшегося весной 625 г. из областей, лежащих севернее озера Ван, в Севастию и затем в Понт. Говоря затем о втором походе Ираклия в Персию (627 г.), академик Манандян говорит, что под Егерней-Лазикой следует понимать не Колхиду, как это обычно делают ученые, а „землю лазов“, о чем свидетельствуют сообщения грузинских источников. Затем докладчик прослеживает путь Ираклия в Тифлис, рассказывает об осаде Тифлиса и, на основании данных Себеоса и Теофана, восстанавливает путь Ираклия из Тифлиса в Ниневию. После победы, одержанной над персидскими войсками около Ниневии в декабре 627 г., армия Ираклия, говорит докладчик, направилась на юг и в начале января 628 г. заняла резиденцию Хоерова Дастагерд. Разрушив Дастагерд, Ираклий двинулся дальше на юг, но, ввиду того что переправа через канал Нахраван оказалась невозможной, пришлось прекратить наступление. Ираклий решил отступить. Путь отступавшего войска можно проследить довольно точно до Антропатенского Гандзака, но дальнейший путь из Атропатены в Византию через Армению не может быть выяснен, так как первоисточники не дают достаточно определенных сведений по этому вопросу.

Говоря о докладе акад. Я. А. Манандяна, член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская отметила, что данный доклад представляет боль-

шой научный интерес и что только такой крупный специалист в области исторической географии, каким является Я. А. Манандян, мог взяться за эту тему и удачно решить ряд трудных проблем, стоявших перед ним. Однако, по ее мнению, не следовало в докладе объяснять выступление Хосрова только личными мотивами, так же как не следовало слишком полагаться на показания источников о количестве войск, так как цифры, по всей вероятности преувеличены. Попутно Н. В. Пигулевская напоминает об интересном источнике — пехлевийском каталоге иранских областей, изданном Марквардтом, где имеются ценные сведения по отдельным персидским городам и селениям, как, например, Гандзак, Шыз с известным храмом огня, Шерзур, о котором имеются сведения и в сирийской хронике эпохи Сасанидов. Большой интерес, говорит Н. В. Пигулевская, представляет затронутый в докладе вопрос о гунах-сабирах в Албании.

Акад. Е. А. Косминский указал, что доклад — образец тонкого и тщательного изучения источников, большим знатоком которых является А. Я. Манандян. Значение историко-географических работ вообще очень велико, а данного доклада в особенности, так как он затрагивает области, история которых связана с историей нашей Родины. Е. А. Косминский отметил большое значение участия в работах сессии виднейших ученых братских союзных республик — Армянской и Грузинской ССР и выразил надежду на их постоянное сотрудничество с группой по истории Византии, Института истории АН СССР.

На вечернем заседании сессии 27 ноября были заслушаны два доклада.

Доклад Б. Т. Горянова — „Основные проблемы поздневизантийского феодализма“ является обобщением основных выводов, сделанных им в только что законченной монографии „Поздневизантийский феодализм“. Отправным пунктом для изучения особенностей поздневизантийского феодализма докладчик считает эпоху Латинской империи, так как и сама Латинская империя и греческие государства, образовавшиеся на развалинах Византии, оказали несомненное влияние на дальнейший ход внутренней истории Византийской империи. Отличительной особенностью поздневизантийского феодализма Б. Т. Горянов считает то, что, в противоположность странам Западной Европы, где в XIV—XV вв. происходит преодоление феодальной раздробленности, в Византии до конца ее истории идет не прекращающийся процесс усыления мощи крупного светского и церковно-монастырского землевладения, ведущий к раздроблению государственного суверенитета. Основной

линией развития крупного феодального землевладения в поздне-византийское время, говорит докладчик, является окончательное превращение владений, жалуемых на основе пронии, из условных, временных в наследственные, при полной отмене всяких ограничений в отношении передачи по наследству, дарения, продажи и других видов отчуждения.

В противоположность ученым, говорившим о сужении иммунитета в поздней Византии, Б. Т. Горнянов считает, что иммунитет развивается в этот период очень широко. В XIII—XV вв. иммунитет все более расширяется путем перехода к более высоким формам его развития — от налогового к административному и затем к судебному. Иммунитет превращает прежнюю пронию в почти независимый от центральной власти округ, в котором крупный феодал создает свой аппарат управления своими владениями. Таким образом, феодальное владение, говорит докладчик, почти целиком вырывается из сферы влияния государственного центрального и областного аппарата.

Росту крупного землевладения сопутствовало завершение закрепощения византийского крестьянства. Хотя, как отмечает Б. Т. Горнянов, остатки свободных крестьянских общин и сохранились до конца византийской истории, но основной массой византийского крестьянства в эпоху Палеологов становятся зависимые па́рики, прикрепленные к владению феодала и обремененные многочисленными феодальными повинностями.

Попытки некоторых императоров из династии Палеологов ограничить судебный и налоговый иммунитет и усилить государственный контроль над феодальными владениями неизменно оканчивались неудачей. Поэтому, для пополнения государственной казны, правительство прибегает просто к усилению государственного налогового обложения непосредственного производителя, а это, в сочетании с ростом феодальной эксплуатации, в условиях не прекращающихся внешних войн и гражданской междоусобной борьбы, вызывает усиление крестьянского движения, переходящего кое-где в вооруженные восстания, к которым примыкают иногда и массы городского плебса. Высшей точкой крестьянского движения является восстание зилотов (1342—1349 гг.). Крах этого восстания означал конец всяким попыткам возродить империю, и после поражения зилотов империя идет навстречу своей неизбежной гибели.

Изучение процесса развития поздневизантийского феодализма, говорит Б. Т. Горнянов, позволяет поставить на прочную основу исследование причин падения Византии и приводит к выводу, что особенности поздневизантийского феодализма вызвали падение

экономической и политической мощи центральной власти, ослабили ее военную мощь и сделали ее беспомощной перед лицом внешних врагов. Падение Византийской империи, говорит в заключение докладчик, было вызвано не столько ее борьбой с южнославянскими государствами Балканского полуострова, вместо объединения их сил для борьбы с Турцией, как думали многие буржуазные историки, сколько условиями внутреннего развития Византийской империи, условиями развития поздневизантийского феодализма.

Доклад Б. Т. Горянова вызвал оживленный обмен мнениями. Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев возражает против тезиса докладчика, что Византийская империя развивалась в сторону децентрализации, а страны Западной Европы — в сторону централизации, приводя в качестве примера Италию, и говорит, что в докладе переоценивается роль централизации для судьбы страны. Основным, говорит В. Н. Лазарев, является не момент феодальной или политической раздробленности, а момент выхода страны на передовые экономические позиции.

Б. Н. Заходер отмечает, что для всестороннего изучения поздневизантийского феодализма необходимо изучение Турецкой империи этого периода. Необходимо также решить вопрос о положении ремесла в Византии и о том, являлся ли там сеньёр организатором ремесленной жизни. М. Я. Сюзюмов, касаясь вопроса о городском патрициате, говорит, что несомненно в Византии патрициат был, но не свой, византийский, а чужеродный.

И. К. Кусикьян, говоря о докладе Б. Т. Горянова, приводит некоторые интересные данные о развитии феодализма в Армении и Грузии и отмечает, что чрезвычайно любопытным является то обстоятельство, что Византия, находившаяся между Западом и Востоком, с их развитым феодализмом, так сильно отстала от них в этом отношении.

А. П. Каждый возражает против рассмотрения феодализма, как периода упадка политического организма. Одновременно он говорит, что, по его мнению, византийскую экскурсию нельзя сопоставлять с западным иммунитетом.

М. В. Левченко возражает против трактовки докладчиком восстания зилотов, как восстания крестьянских масс, и говорит о том, что при объяснении причин падения Византийской империи нельзя резко отделять внешнюю политику от внутренней.

В заключительном слове Б. Т. Горянов ответил на ряд замечаний, сделанных ему выступавшими товарищами. Отвечая В. Н. Лазареву, он сказал, что противопоставление Италии и Византии не опровергает положений доклада, так как раздробленность в Ита-

ли была совершенно иной, нежели в Византии, где эта раздробленность шла по линии общественно-экономического строя, при сохранении внешнего политического единства, тогда как в Италии раздробленность была государственной. Вопрос о византийском городе, говорит докладчик, является вообще одним из наименее изученных вопросов, и поэтому дать точный ответ на вопросы Б. Н. Заходера трудно. Можно лишь сказать, что никакой победы города над сеньёром в Византии не было. Едва ли можно говорить и о городском патрициате в Византии, и, во всяком случае, очевидно, что до самого конца империи нельзя говорить о появлении там буржуазии. Мнение А. П. Каждана о невозможности сопоставления византийской экскуссии с западным иммунитетом докладчик оспаривает, пользуясь материалами своего исследования, которые позволили ему установить ряд аналогичных черт в экскуссии и иммунитете. Касаясь вопроса о движении зилотов, докладчик говорит, что в движении, наряду с городской беднотой, бесспорно участвовали и широкие крестьянские массы. Исследование позволило установить характерные особенности категорий зависимого крестьянства в поздней Византии и уточнить прежние представления о формах феодальной зависимости.

Доклад члена-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской — „Законы химьяритов“¹ был посвящен анализу происхождения и содержания этого интересного памятника. Н. В. Пигулевская указала, что агрессивная политика Ирана препятствовала свободным торговым сношениям Византии со странами Востока через Среднюю Азию, а между тем торговля с Востоком, особенно с Индией и Китаем, была для Византии важным экономическим фактором. Поэтому Византия пыталась наладить эту торговлю другими путями, в частности — через Эфиопию. Стремясь к укреплению связей с этой страной, Византия неоднократно направляла туда в VI в. свои официальные посольства — Юлиана, Нонна и др. Укрепление этих связей шло и другим путем — направлением в города Аравии представителей принятой империей официальной идеологии — православия. С одной из таких религиозных миссий в столицу Химьяра связано имя Григентя Тафарского, которому приписывается составление „Законов химьяритов“ и „Диалог с Эрбаном“. Памятник, известный под названием „Законов химьяритов“, является, говорит Н. В. Пигулевская, юридическим сборником VI в., составленным в византийской среде для Йемена (в частности для городов Джафара и Неджрана). Этот памятник, так же как „Мучениче-

¹ Доклад будет напечатан в III (XXVIII) томе „Византийского Временика“.

ство Арефы“ и „Диалог с Эрбаном“, был составлен в VI в. и преследует цель укрепления идеологической связи Византии с городами Южной Аравии (которые имели большое экономическое значение), укрепление позиции православия и ослабление монофизитского влияния, до того преобладавшего среди химьяритов. Византия желала воздействовать на внутреннюю жизнь арабских городов и дать им известные нормы. Эти нормы, как отмечает докладчик, сформулированные в „Законах химьяритов“, почерпнуты большей частью из сводов законов самой Византийской империи или из действовавших в них порядков, и поэтому „Законы“ имеют большой интерес и для истории самой Византии, а не только для истории химьяритского государства, конкретную историческую обстановку и социальную среду которого составители „Законов“ несомненно имели в виду.

Н. В. Пигулевская дала интересный и подробный разбор содержания „Законов“, затрагивающих различные стороны жизни. Эти законы устанавливают правила управления городом (обязанности епарха и квартальных), рассматривают вопросы брака (исходя из родового строя химьяритов), нравственности, соблюдения церковных праздников. Большое число титулов трактует вопросы о рабстве и рабовладении, которое является характерной чертой социальных отношений химьяритского государства.

Заканчивая доклад, Н. В. Пигулевская делает вывод, что „Законы химьяритов“, которые с большим правом можно было бы назвать „Законами для химьяритов“, являются подлинным законодательным сборником, составленным в VI в. и отражавшим отношения, господствовавшие в Византии, особенно отношения в византийском городе. Введением аналогичных норм в Йемене Византия пыталась упрочить свое ослабевающее влияние. Но этот сборник „Законов“ не был действующим законником или судебником химьяритов, а остался византийским литературным памятником, характеризующим городскую жизнь империи в VI в.

Все выступавшие по докладу Н. В. Пигулевской — Б. Н. Захoder, М. В. Левченко, А. К. Бергер и И. К. Кусикьян — отмечали, что данная работа является весьма интересной. Б. Н. Захoder вполне согласился с мнением докладчика, что разбираемые ею законы являются законами для химьяритов, и отметил, что то устройство города, которое устанавливается в „Законах“, в частности разбивка города на кварталы со специальными квартальными во главе, характерно и для арабских городов. М. В. Левченко высказал некоторое сомнение по поводу того тезиса доклада, в котором говорится о стремлении Византии подорвать монофи-

зитское влияние в Йемене, так как обычно Византия все свои миссии на Востоке проводила именно через монофизитов. А. К. Бергер отметил важность источника, исследованного Н. В. Пигулевской, для изучения городского строя не только химьяритов, но и самой Византийской империи.

В заключительном слове Н. В. Пигулевская ответила на вопросы, затронутые в прениях. Она согласилась с М. В. Левченко в том, что обычно в своих мероприятиях на Востоке византийское правительство шло за монофизитами и использовало их. Но, указала она, в Эфиопии христианство насаждали ариане, а не монофизиты. Там боролись три религиозных партии — несториане, ариане и монофизиты, поэтому и отношение Византии к монофизитам было иным.

На утреннем заседании 28 ноября первым был заслушан доклад проф. М. В. Левченко — „Византийский историк Агафий и его мировоззрение“. Докладчик указал, что Агафий до сих пор мало привлекал внимание ученых, хотя и является видным деятелем византийской литературы переходного периода, и несомненно заслуживает более внимательного к себе отношения, особенно со стороны советских историков, так как его исторический труд касается и истории народов СССР, в частности, истории Грузии. Докладчик подробно освещает биографию Агафия и говорит, что исторический труд Агафия является вполне достоверным, и автор его достаточно осведомлен о тех событиях, которые описывает. Решительно возражает М. В. Левченко против утверждения Тейффеля, что Агафий пользовался только устными сообщениями, так как в его распоряжении не было никаких официальных письменных документов для периода 552—558 гг. Несомненно, что описание судебного процесса над убийцами грузинского царя Губаза, описание порядков франков или военных действий в Италии и западной Грузии могло быть сделано только на основании официальных письменных документов.

Докладчик указывает, что для понимания и оценки мирозерцания Агафия нельзя ограничиться анализом лишь его исторического труда, но необходимо ознакомиться с содержанием и его поэтических произведений. Поэтические произведения Агафия, обладавшего несомненным поэтическим талантом, отражают взгляды и чувства образованной части византийской аристократии конца VI в., идеологом которой был сам Агафий. Говоря о философских взглядах Агафия, докладчик причисляет его к таким же представителям скептической философии, какими были Прокопий, Иоанн Лид, Менандр и др., но отмечает, что у Агафия это миро-

воззрение проявляется более рельефно — в насмешках над бесплодными теологическими спорами, в протесте против преследования еретиков, в жалобах на недооценку выдающихся людей науки и культуры, в подчеркивании того, что ученые, писатели и художники не менее важны для государства, чем победоносные полководцы. Будучи поклонником античности и консерватором в вопросах философии, морали и быта, Агафий, говорит М. В. Левченко, проявляет консерватизм и в вопросах внешней политики, будучи горячим сторонником восстановления былого могущества Римской империи и оправдывая многие войны империи, хотя он, например, объективно относится к лазам и не скрывает коррупции византийской администрации в Лазике. Он не скрывает теневых сторон царствования Юстиниана, но восхваляет его за стремление расширить и усилить империю. Общая же картина порядков Восточной империи, нарисованная Агафием достаточно объективно, получается безотрадной. Агафий был одним из немногих византийских авторов, которые верно указывали, в чем состоит основное преимущество молодых варварских государств перед раздираемой классовыми противоречиями империей. Он говорит, что для успешного хода государственных дел нужно прежде всего единение и согласие, но не может указать никаких конкретных мер для возрождения Византийского государства, тем более, что не понимает роли трудящихся масс, как главного творца истории, и относится к ним пренебрежительно. Заканчивая доклад, М. В. Левченко еще раз подчеркивает, что изучение взглядов Агафия помогает нам понять взгляды той части византийской аристократии конца VI в., идеологом которой был Агафий.

Доклад М. В. Левченко вызвал очень оживленные прения. И. К. Кусикьян высказал предположение, что Агафий в значительной мере просто подражал Фукидиду, и его скептицизм связан с фукидидовским стилем. Ф. М. Россейкин считает, что отношение Агафия к вопросам морали не совсем ясно и говорить определенно о безразличном отношении его к морали нельзя. Н. В. Пигулевская выступила с рядом возражений докладчику. По ее мнению, Агафия нельзя считать христианином. Он был знаком с христианством, но сам оставался язычником. Данные об убийстве Губаза встречаются не только у Агафия, но и в других источниках. Не следует, по словам Н. В. Пигулевской, преувеличивать степень знакомства Агафия с античными авторами. Хотя он и упоминает множество авторов, но едва ли сам читал всех. Ценность истории Агафия снижается слишком явным индивидуализмом автора, его стремлением всюду поставить себя на первый

план и свойственной ему риторичностью. А. В. Банк спрашивает докладчика: есть ли в творчестве Агафия какие-либо новые языковые и художественные формы, аналогичные тем, которые встречаются в тех памятниках византийской литературы, для которых характерно переплетение античных традиций с христианством? А. К. Бергер говорит, что Агафий был представителем не только узкой аристократической прослойки византийского общества, но и вообще городских кругов, своего рода византийской интеллигенции. Возражая Н. В. Пигулевской, он говорит, что Агафий должен был быть христианином, так как иначе он не мог бы заниматься адвокатурой и стоять близко ко двору. А. К. Бергер не разделяет мнения М. В. Левченко в том, что скептицизм, свойственный Агафию, является признаком упадка рабовладельческой империи, так как это направление свойственно византийской культуре вообще. Отвечая своим оппонентам, М. В. Левченко отметил, что буржуазная историческая наука при изучении византийских авторов обращала главное внимание на их подражание античным авторам, поэтому советские византилисты должны начать изучение памятников византийской литературы заново и исследовать их как самостоятельные произведения, связанные с теми политическими и социальными условиями, при которых они создавались. Вопрос о принадлежности Агафия к христианству докладчик считает бесспорным, так как в то время уже нельзя было быть официально язычником. Что касается формы произведений Агафия, то он пользуется старыми размерами, но употребляет много новых слов. М. В. Левченко считает неправомерным говорить о византийской интеллигенции VI в. и повторяет, что Агафий был, главным образом, представителем аристократии, идеологическое влияние которой было в тот период весьма значительным.

После доклада М. В. Левченко прочитала доклад кандидат исторических наук Е. Ч. Скржинская — „Константинополь и северно-черноморская периферия в XII в.“

Отметив, что Северное Причерноморье в XIV и XV вв. имело для Константинополя преимущественно торговое значение, Е. Ч. Скржинская подробно характеризует состояние и размеры торговли, шедшей через Константинополь, описывает пути, по которым шла эта торговля, и указывает на те изменения, которые произошли в этой области на рубеже XIV и XV вв. Основное внимание докладчик посвящает изучению торговых связей и роли Перы, с одной стороны, и Таны, Каффы и Белгорода-Монкастро — с другой. В XIV в., говорит Е. Ч. Скржинская, торговля на северных берегах Черного моря достигла наибольшего оживления,

и Пера процветала. После походов Тимура, нарушивших торговлю с северным Причерноморьем, торговое значение Перы значительно падает. Наступление турок на Византию в XV в. окончательно пресекает для европейских купцов торговые связи между Средиземным и Черным морями и подорвало значение прежних торговых колоний. Тана, прежний торговый оплот западноевропейцев на Востоке, в XV в. обращается в местный порт и главным образом концентрирует продукты окружающих территорий. Доживает свой век и Каффа — главный пункт восточной торговли генуэзских купцов. На некоторое время возвышается Белгород-Монкастро — укрепленный порт Молдавского государства, который приобретает значение нового выхода из Черного моря в Западную Европу. Докладчик рисует картину экономической жизни в этих пунктах Северного Причерноморья, которые в значительной мере отличаются друг от друга; но каждый из них знаменует прекращение на несколько веков международного торгового значения Северного Причерноморья. Принявший участие в обсуждении доклада Ф. М. Россейкин заметил, что было бы очень интересно в этом докладе осветить взаимоотношения Таны и других городов Причерноморья с Московским государством и Придунайскими областями и показать этнический состав населения этих городов. А. А. Фортунатов считает, что доклад дает очень много интересных штрихов, но генуэзцы в нем несколько заслоняют собой византийцев. М. В. Левченко высказал некоторое сомнение по поводу датировки расцвета торговли на Черном море XV в. и отсутствия упоминания в докладе о Суроже. Акад. Я. А. Манандян в своем выступлении отметил, что мировую торговлю надо изучать в связи с политической жизнью; в частности, в данном докладе необходимо учитывать такие события, повлиявшие на перемещение торговых путей и центров, как монгольские завоевания, наступление туркмен и т. п.

В заключительном слове Е. Ч. Скржинская дала ответ на поставленные ей вопросы. Она указала, что, ввиду сложности темы, стоящей перед нею, она была вынуждена искусственно ограничить себя исследованием одной стороны вопроса — сношениями с Генуей. Население Каффы состояло из армян, греков, евреев, татар, генуэзцев. Одной из причин расцвета северночерноморской торговли в XIV в. докладчик считает объединение территории под татарской властью, что дало большие возможности для развития торговли. Отсутствие упоминания о Суроже объясняется тем, что в исследуемый период этот город потерял торговое значение, так как генуэзцы подорвали его торговлю. Отвечая на замечания

акад. Я. А. Манандяна, Е. Ч. Скржинская полностью согласилась с его мнением о необходимости изучения экономики в связи с политической жизнью, но указала, что в данном докладе она не имела возможности подробно остановиться на событиях политической жизни.

Последнее заседание сессии, вечером 28 ноября, было посвящено вопросам византийского искусства. Первым был прочитан доклад члена-корр. АН СССР В. Н. Лазарева — „Византийская культура XIV в. и проблема Ренессанса“, привлекая обширную аудиторию. Докладчик дал характеристику политического и экономического строя Византии в XIV в., особенно остановившись на таких моментах, как усиление в Византии аристократии, отсутствие там крепкой буржуазии и консервативность идеологии господствующего класса, подъем эллинского патриотизма, вызванный политическими неудачами. Он отметил характерное для этого периода обращение к далекому прошлому, усиление ретроспективных тенденций. Особо остановился В. Н. Лазарев на понятии палеологовского неоэллинизма и на необходимости разграничения двух этапов развития византийской культуры XIV в. Для первого этапа, который докладчик относит к первой трети XIV в., он считает характерным расцвет неоэллинизма. Он подробно останавливается на деятельности и творчестве Феодора Метохита, Никифора Григоры, Мануила Мосхопула и ряда других писателей этого периода и подчеркивает своеобразие византийского „гуманизма“, его чисто формальный интерес к античности, его отличие от раннего итальянского гуманизма. Докладчик говорит о кратковременности византийского „гуманизма“ и его бесперспективности.

Второй этап развития византийской культуры XIV в. В. Н. Лазарев относит к периоду победы зилотов над политиками и церковной реакцией, нашедший особенно яркое отражение в учении исихастов. Учение исихастов и взгляды Варлаама и Григория Паламы подвергаются докладчиком детальному анализу. Победу глубоко реакционного учения паламитов он объясняет экономической отсталостью Византии.

Дав картину идеологической борьбы в Византии XIV в., В. Н. Лазарев переходит к анализу византийского искусства этого периода и останавливается на отражении в нем этой идеологической борьбы. Говоря о гуманистических тенденциях и расцвете неоэллинизма в византийском искусстве первой трети XIV в., он анализирует мозаику Кахрие Джами и родственные ей памятники. Для византийского искусства второй половины XIV в. докладчик считает характерным кризис неоэллинизма, усиление аскетического

направления, отражение исихастских идей. Появляется новое понимание образа святого, композиции и колорита, нарастает сложный символизм, происходит окостенение линейной системы. Затем докладчик остановился на вопросе о позднем византийском академизме и его отношении к неоэллинизму раннего XIV в., на причинах массовой эмиграции ученых и художников из Византии и их роли в сложении отдельных национальных культур. В. Н. Лазарев заканчивает свой доклад общей оценкой Палеологовского „Ренессанса“ и указывает на отсутствие в нем тех черт, которые Энгельс считал наиболее показательными для культуры Возрождения.

Доклад вызвал у слушателей много вопросов, и обсуждение его было очень оживленным. Ф. М. Россейкин спрашивает докладчика: было ли, по его мнению, в Византии до начала XIV в. что-либо похожее на Ренессанс и были ли в народных низах предпосылки для создания нового искусства? Э. В. Удадьцовой был поставлен вопрос: можно ли считать победу исихастов окончательной? Она же просила докладчика дать оценку Плифона и его кружка. А. П. Каждана также интересовало мнение В. Н. Лазарева о значении победы исихазма для дальнейшего развития византийской культуры. Вопрос о том, считает ли докладчик сербские памятники XIII в. преддверием Ренессанса, был поставлен Е. Ч. Скржинской.

Отвечая на заданные ему вопросы, В. Н. Лазарев прежде всего указал, что невозможно верно решить вопрос о Ренессансе, если считать его началом всякий элемент возврата к античности. Гуманизм в Византии был гуманизмом кружкового типа и не имел глубоких корней. Победа исихазма для XIV в., говорит В. Н. Лазарев, во многих отношениях была решающей, и в византийской культуре XV в. ничего принципиально нового не появлялось. Признавая, что Плифон является очень интересной фигурой византийской культуры, докладчик, однако, считает, что он не является характерным для Ренессанса, так как у него преобладают теологические моменты. Отвечая Е. Ч. Скржинской, В. Н. Лазарев говорит, что в XIV в. вообще происходит расцвет национальных школ, что особенно было заметно в Сербии. Но этот расцвет шел независимо от течений, развивавшихся в столице, параллельно им. Разрыв между народным творчеством и искусством высших классов, упадок народного искусства (в отличие от древнерусского народного искусства) является одной из причин упадка византийского искусства вообще.

Л. А. Мацулевич, выступая по докладу В. Н. Лазарева, прежде всего отметил, что этот доклад очень щедро наполнен исследовательской мыслью. Совершенно по-новому дана, например, харак-

теристика Паламы. Но не совсем ясно, каковы были особенности стиля неоэллинизма начала XIV в. А. П. Каждан возражает против мнения, высказанного докладчиком об упадке народного творчества. Б. Т. Горянов отмечает, что в докладе поставлен большой вопрос: кому принадлежит приоритет в происхождении Ренессанса — Западу или Востоку. Отсутствие черт гуманизма в среде исихастов, по его мнению, не указывает на отсутствие вообще гуманизма в поздней Византии, так как исихасты были наиболее реакционной частью византийского общества, да и победа их в докладе переоценивается. Г. Н. Чубинашвили подчеркнул, как один из положительных моментов доклада, что В. Н. Лазарев противопоставил византийскую культуру западному Ренессансу и провел в области живописи более четкое различие, чем это дается обычно, между первой и второй половиной XIV в. А. В. Банк отмечает, как большую заслугу докладчика, что он уделил в своем анализе большое внимание не только изобразительному искусству, но и письменным памятникам, но считает, что при анализе изобразительного искусства слишком резко противопоставлены разные периоды XIV в.

В заключительном слове В. Н. Лазарев согласился с замечанием А. В. Банк о том, что грани между разными периодами XIV в. проведены им слишком резко, но заметил, что это было сделано сознательно. Движение исихастов, говорит он, в котором, как в фокусе, сошлись все злободневные интересы византийской философской мысли, является более четкой гранью между различными периодами в развитии византийского искусства, чем какой-либо отдельный памятник искусства. Душная атмосфера исихазма привела к эмиграции многих крупных талантов, что свидетельствует о разложении византийской культуры. Византия так и не смогла стать на реалистический, гуманистический путь. Византийская живопись не сумела создать световую модулировку, перспективу и т. д. Византийский неоэллинизм, опиравшийся не на новую реальную жизнь, а на изучение старых образцов, был тем самым с самого начала обречен на гибель.

Подводя итоги обсуждения доклада В. Н. Лазарева, академик Е. А. Косминский подчеркнул, что вопрос о византийском гуманизме является чрезвычайно важным и интересным для советских византинистов. В докладе показывается, что византийское возрождение не имеет ничего общего с итальянским возрождением, и прежде всего не имеет общей базы — буржуазной идеологии. Однако вопрос о наличии в Византии буржуазии является до сих пор недостаточно изученным, так как еще не изучен вопрос о византийском городе. Несомненно, что торговая буржуазия в Византии

была, но с упадком византийской торговли захирела и буржуазия. Тем не менее, элементы буржуазной идеологии в Византии все же были. Значение, которое придает докладчик движению исихастов, Е. А. Косминский считает преувеличенным. В заключение он говорит, что доклад В. Н. Лазарева представляет большой интерес и для искусствоведов и для историков, так как в нем затронуто множество важных и интересных вопросов из истории Византии вообще и византийской культуры в частности.

Заключительный доклад сессии „Об исторических корнях некоторых художественных течений IX века“, прочитанный кандидатом исторических наук Е. Э. Липшиц, также был посвящен вопросам византийского искусства. Главное внимание в докладе было уделено анализу миниатюр, так называемой Хлудовской псалтири, находящейся в собрании Государственного исторического музея в Москве. Е. Э. Липшиц указала, что период VIII—IX вв., совпадающий со временем иконоборчества, является наименее изученным периодом в истории византийской живописи из-за почти полного отсутствия памятников. А как раз в этот период, наряду с уничтожением икон и других памятников, связанных с иконопочитанием, идет интенсивная работа по замене старой живописи новой, отличавшейся от прежней своей тематикой, ставшей по преимуществу светской. Далее Е. Э. Липшиц отметила, что наиболее интересными среди сохранившихся памятников живописи IX в. являются миниатюры, особенно миниатюры псалтирей с иллюстрациями на полях. Тщательный анализ Хлудовской псалтири позволяет, в большинстве случаев, ясно судить о первоначальном рисунке, несмотря на неоднократные реставрации, изменившие и текст и миниатюры псалтири. Убедительно показала Е. Э. Липшиц, что выводы, сделанные предшествующими исследователями о характере живописи Хлудовской псалтири, являются далеко не исчерпывающими. Демократические корни этого искусства, говорит докладчик, могут быть, на основе анализа миниатюр, прослежены значительно глубже, чем это делалось раньше, а его географические и художественные связи представляются более широкими.

Объяснение своеобразия живописи миниатюр псалтири докладчик связывает с еретическими учениями (в частности с учением павликиан), пользовавшимися популярностью в Византии в период иконоборчества среди беднейших слоев населения горных районов Малой Азии и Кавказа. Переселение павликиан в Константинополь и Фракию и покровительство им со стороны императоров-иконоборцев создали благоприятные условия для внедрения некоторых

их идей в византийскую культуру того периода. Следы этих демократических идей сохранились и в Хлудовской псалтири, возникшей вскоре после восстановления иконопочитания. В ней переплетается злой памфлет на иконоборцев с отзвуками утонченного искусства, пронизанного традициями позднеантичного импрессионизма. Некоторые стилистические приемы, применявшиеся в этих миниатюрах, говорит Е. Э. Липшиц, являются провозвестниками нового, более позднего стиля искусства македонско-комнинского периода. Эти новые приемы свидетельствуют о прогрессивных стремлениях византийского искусства IX в., хотя бы временно отошедшего от церковной традиции и догматики.

Выступавший по докладу Е. Э. Липшиц член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев отметил, что в основе доклада лежит ряд правильных соображений, но некоторые положения доклада вызывают возражения. Так, например, мнение докладчика о том, что плебейское течение в искусстве испытывало на себе влияние павликиан, недостаточно обосновано. В народных массах было вообще сильно религиозное направление в искусстве, которое после восстановления иконопочитания пробилось наружу. Этим, может быть, и объясняется плебейская струя в псалтири. Среда, в которой возникла Хлудовская псалтирь, — столичный монастырь. Влияние плебейской струи на искусство проявляется и в мозаике храма св. Софии в Фессалонике. В заключительном слове Е. Э. Липшиц отметила, что она не отрицает сирийских элементов в Хлудовской псалтири, но это не может объяснить всех особенностей стиля данных миниатюр. Вопрос о влиянии павликиан, конечно, может быть поставлен лишь в форме гипотезы. Хлудовская псалтирь, вернее ее прототип, возникла в среде, враждебной иконопочитанию, и отражает более широкие течения, чем павликианство.

Подводя итоги, акад. Е. А. Косминский отметил, что закончившаяся сессия Отделения истории и философии была интересной и прошла на высоком теоретическом уровне. С каждой сессией, посвященной вопросам византиноведения, интерес к нему все возрастает, так же как возрастает и научный уровень докладов, а тематика их становится более разнообразной. Созыв сессий, посвященных вопросам византиноведения, стал прочной традицией, превратившись в ежегодный смотр работы советских византистов. Е. А. Косминский выразил надежду, что к следующей сессии византилисты придут с новыми успехами в своей исследовательской работе.

К. Н. Татарина